

Уважаемый суд!

Я не раскаиваюсь ни в том, что публично произнёс те слова, которые вменяются мне в вину, ни в том, что поместил их в пресс-релиз Правозащитного центра «Мемориал», ни в том, что содействовал распространению этого пресс-релиза.

Не раскаиваюсь потому, что в моих действиях нет состава преступления.

Это блестяще доказал мой адвокат, Генри Маркович Резник, в своём ярком и убедительном выступлении.

Доказывая здесь свою правоту, я отстаиваю право граждан России на свободу выражения мнения. Такое право гарантировано нам Конституцией Российской Федерации, Международным пактом о гражданских и политических правах, Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, Всеобщей декларацией прав человека ООН и многими другими документами.

Само возбуждение уголовного дела из-за сказанных мною слов, попытки добиться признания меня уголовным преступником, – это не что иное, как неприкрытое покушение на свободу выражения мнения. Всё это лишний раз свидетельствует, что свобода слова в России находится под угрозой. В нынешней Чеченской Республике можно публично выражать лишь те мнения, которые целиком и полностью совпадают с мнением одного человека – главы этой республики. В остальной России подавление свободы слова пока не дошло до такой степени. Решение, которое суд вынесет по данному делу, либо подтолкнет нашу страну дальше к деспотии, либо, наоборот, послужит защите основных прав человека, отстаиванию европейского образа России. Во-вторых, я не раскаиваюсь потому, что я сказал правду.

Это было со всей очевидностью продемонстрировано в ходе долгого процесса.

Это следует из показаний свидетелей, причём отнюдь не только свидетелей защиты. Из показаний некоторых свидетелей, вызванных обвинением, также ясно вырисовывается картина происходящего сегодня в Чечне.

Это в течение всего процесса обосновывал и я сам.

Ваша честь! Я не хочу сказать, что в Чеченской Республике за последние годы ничего не изменилось. Наши оппоненты стремятся выставить меня и моих коллег оголтелыми очернителями ситуации в Чеченской Республике. Это не так. Мы с радостью констатируем, что люди там теперь не гибнут под бомбардировками и артобстрелами. Жители Чечни восстановили разрушенные города и села. В 2007 и частично в 2008 годах число похищений людей заметно снизилось. Мы отмечали и это обстоятельство, и - отдельно - заслугу в этом республиканских властей. Однако такая тенденция не оказалась продолжительной

Возобновились похищения, демонстративные коллективные наказания, высказывание независимого мнения стало крайне опасно, почти невозможно, - и обо всем этом писала и говорила Наташа Эстемирова. В Чечне установился режим практически абсолютной единоличной власти. В республике стало нечем дышать

Ваша честь, за все 17 лет, что мы работаем в Чечне, - даже в разгар военных действий, в обстановке бомбежек и «зачисток» - мы не видели в глазах жителей Чечни такого страха, как в последние годы..

Суду был представлен целый комплекс материалов и свидетельских показаний о тяжких преступлениях, совершавшихся людьми, действовавшими от имени республиканской власти, о безнаказанности этих преступлений. О регулярном и повсеместном попрании закона. Об атмосфере всеобщего страха, воцарившейся в Чеченской Республике. О том, как должностные лица в Чечне давят на правозащитников, оскорбляют их, о том, как они угрожают тем, кто осмеливается публично им противоречить; и конкретно – о том, как Кадыров оскорблял Наталью Эстемирову, как он ей угрожал. Наконец, о том, что значат подобные угрозы в условиях Чечни, если они исходят от Кадырова.

Все эти материалы, все эти свидетельства доказывают, что в моих словах не было лжи, доказывают, что они были правдой. И, стало быть, мне не в чем раскаиваться.

Наконец, я не раскаиваюсь ещё по одной причине. Самой главной.

Сказать во всеуслышание то, что я сказал 15 июля 2009 года, – это был мой долг перед убитым другом, перед светлым, замечательным человеком Наташей Эстемировой.

Наташа Эстемирова органически не могла мириться с произволом, беззаконием и жестокостью, кем бы они ни совершались, – федеральными силами, республиканской властью или боевиками. Именно поэтому к ней так тянулись люди, к ней шли, и шли за помощью. Она билась за спасение людей, похищенных или подвергаемых пыткам. За беженцев, которых чиновники выкидывали на улицу из пунктов временного размещения. За право жителей горных сёл вернуться в свои дома. За то, чтобы родители смогли хотя бы узнать о судьбе своих сыновей, увезённых из дома вооружёнными людьми. За достоинство женщин Чечни. При этом она находила в себе силы заниматься ещё и сугубо социальными вопросами: например, она помогала чеченским студентам отстоять перед транспортными монополиями дешёвые автобусы, доставлявшие их из сельских районов в Грозный.

Наташу по праву можно было называть народной заступницей. Она положила свою жизнь за людей, защищая их права, их свободу, их жизни.

Я уверен: Наташа Эстемирова - из тех, кто составляет гордость чеченского народа, гордость всей России.

Я уверен: пройдёт не так уж много времени, и так любимый Наташей грозненский проспект, который сейчас носит имя Путина, вернет своё настоящее имя – проспект Победы. И где-то недалеко от проспекта Победы появится улица Наташи Эстемировой.

Ей противостояли те, кто считает, что цель оправдывает средства, что война спишет любое преступление, что грубая сила решает всё, те, кто ни в грош не ставит жизнь и достоинство людей.

И не сказать правду о вине за её гибель того человека, который создал систему своей почти абсолютной личной власти, систему фактически узаконенного беззакония, систему, которая демонстративно враждебна к людям, подобным Наталье Эстемировой, – не сказать это было невозможно. Это было бы предательством и трусостью. Поэтому я взял на себя ответственность и сказал то, что должно было прозвучать в тот день.

Отстаивая здесь, в суде, свою правоту, я тем самым снова отдаю дань памяти светлому человеку Наташе Эстемировой.